

Електронна бібліотека видань історичного факультету Харківського університету

Елкин А. И. Русская школа в Польше (1918-1939 гг.) // Вісник Харківського державного університету. – 1998. - № 413: Історія. – Вип. 30. – Харків, 1998. – С. 214 – 222.

При використанні матеріалів статті обов'язковим є посилання на її автора з повним бібліографічним описом видання, у якому опубліковано статтю. Дана електронна копія статті може бути скопійована, роздрукована і передана будь-якій особі без обмежень права користування за обов'язкової наявності першої (даної) сторінки з повним бібліографічним описом статті. При повторному розміщенні статті у мережі Інтернет обов'язковим є посилання на сайт історичного факультету.

Адреса редакційної колегії:

Україна, 61077, Харків, пл. Свободи, 4,
Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна,
історичний факультет. **E-mail:** istfac@univer.kharkov.ua

©Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна; історичний факультет

©Автор статті

©Оригінал-макет та художнє оформлення – зазначене у бібліографічному описі видавництва

©Ідея та створення електронної бібліотеки – А. М. Домановський

А. И. Елкин

РУССКАЯ ШКОЛА В ПОЛЬШЕ (1918-1939 гг.)

Независимое Польское государство было воссоздано в 1918 г. Его население насчитывало на сентябрь 1921 г. 27161 тыс. человек. Поляков — 18629 тыс. чел. (68,6%), других национальностей — 8531 тыс. чел. (31,4%). Из них около 4 млн. украинцев, 1,5 млн. белорусов и около 1 млн. русских [4, с. 230]. Основная масса этого населения проживала на восточных кресах, то есть территориях бывшей Российской империи, которые по Рижскому договору 1921 г. отошли к Польше. В состав присоединенных таким путем к Польше окраин входили почти вся Гродненская губерния, значительная часть Минской, большая часть Волынской и небольшая часть Виленской губернии, а также Восточная Галиция. На этой огромной территории коренное население составляло 80-85% [4, с. 231]. Правовое положение национальных меньшинств определялось Версальским договором, Рижским договором (1921 г., статья 7) и Конституцией 1921 г. Однако эти права не соблюдались, польские правящие круги проводили последовательный курс на полонизацию кресов. В наиболее тяжелой ситуации оказалось русское население и, в частности, русская школа, поэтому в статье и предпринимается попытка рассмотрения данной проблемы.

Этот вопрос затрагивается, главным образом, в эмигрантских изданиях, прессе и особенно в публикациях Российского Земского-Городского Комитета помощи российским гражданам за границей (Земгор) — организации, занимавшейся оказанием помощи русским эмигрантским учебным заведениям [4, 9-11, 13, 16, 17]. Поскольку была поставлена задача «ополячить» край в кратчайший срок, то необходимо было бороться с русской школой. Ибо она являлась сильнейшим орудием сохранения и развития национальной культуры. В связи с тем, что приведенные выше законы гарантировали права меньшинств на национальную культуру, на национальную школу, выход из создавшейся ситуации нашли весьма простой и «оригинальный».

Начальник отдела средних школ при Генеральном Комиссариате Восточных земель В. Галицкий заявил, что польские власти, стоя на позиции самоопределения народностей, допускают обучение и преподавание на местных языках, кроме русского, который является в этом крае совершенно чуждым [1, 1920, 31, 1]. Заместитель премьер-министра и председатель секции политического комитета Совета Министров по делам национальных меньшинств Тугутт заявил, что русские в Польше не представляют собой национального меньшинства, так как в границах Польской республики нет ни одной пяди русской земли, а потому они не должны иметь притязаний на то, чтобы иметь права, равные с народностями, имеющими собственную территорию [5, 1925, 16, 4]. По его мнению, рассеянные по всей Польше русские выходцы могут пользоваться гостеприимством и учреждать собственные частные школы на общих основаниях закона, но не могут требовать, чтобы государство содержало на свои средства правительственные школы для малочисленных представителей русской национальности [5, 1925, 16, 4]. До восстановления независимости Польши, то есть до 1918 г., на той части ее территории, которая входила в состав Российской империи, находилась не одна тысяча разного типа низших и средних русских школ и несколько высших. К 1922 г. из 15 воеводств русские школы остались только в 5 восточных (Новогрудском, Полесском, Волынском, Белостокском и Виленщине) [13, с. 125].

Процесс разрушения русской школы, начиная с 1918 года, проходил следующим образом: прежде всего всем бывшим на территории нового государства русским школам предложили перейти на польский язык, оставив русский язык лишь как отдельный предмет, после чего, школы пожелавшие остаться на русском языке препода-

вания и русскими программами обучения, были закрыты. Все школы, оставившие у себя русский язык преподавания, объявлялись частными, не пользующимися правами правительственных и не имеющими права выдавать аттестаты зрелости.

В 1921 году в Варшаве была организована Русская Академическая Группа, главным образом, для проведения экзаменов на аттестат зрелости. Однако в 1924 году деятельность экзаменационной комиссии Академической Группы была запрещена на том основании, что последняя не имеет устава. Русский попечительный комитет (РПК) по просьбе группы добился в Министерстве народного просвещения разрешения на открытие комиссии при РПК. Такая комиссия была образована и возглавил ее В. Д. Соколыцов [2, ф. 5814, оп. 10, л. 27].

Однако в марте 1925 г. в Варшаве состоялся суд над представителями Русской Академической Группы по обвинению «в открытии без соответствующего разрешения учебного заведения». 8 членов группы были оштрафованы [5, 1925, 10, 3]. При этом, как правило, хорошо оборудованные старые школы были лишены своих помещений, кабинетов, библиотек. Все это было конфисковано польскими властями и передано польским школам, часть же бесследно исчезла (русские учебники, библиотеки).

В качестве типичного примера административного произвола можно привести случай полного разгрома Виленской православной семинарии 22 октября 1925 г., учиненный полицией [3, 1925, 4, 11]. В результате большинство русских школ ютились в чужих помещениях, многие работали по вечерам (с 4 часов), были лишены кабинетов, библиотек, испытывали страшную нужду в учебниках. Кроме того, обычным явлением было запрещение тех или иных учебников [5, 1925, 3, 31].

Все русские школы должны были получить специальное разрешение, так называемую «концессию», на существование. При рассмотрении ходатайства о «концессиях» всегда находилось достаточно поводов, чтобы разрешения не давать: то не утверждалось лицо, на имя которого выдавалась концессия, или директор, или учитель польского языка признавались недостаточно квалифицированными, или школьное помещение неподходящим.

В Волынском и Новгородском воеводствах дошли до того, что в виде основания к отказу в возобновлении концессии указывали на невозможность признать принадлежность к русской национальности родителей, письменно заявивших об этой их принадлежности, потому что власти эти находили, что в указанных местностях нет

русского населения. Из-за этого вынужден был закрыться целый ряд русских школ [5, 1924, 12, 7].

Давая разрешения на открытие школы, польские власти давали его, во-первых, только на один год, заставляя школу проходить мытарства каждый год снова; а во-вторых, условием разрешения было выполнение ряда требований, скрытый смысл которых был направлен на то, чтобы добить русскую школу «если не мытьем, то катаньем». На первом месте стояло требование приема в русские школы только русских православных детей. Смысл этого требования заключался в том, чтобы лишить русскую школу поддержки более зажиточного еврейского населения, охотно посылавшего в нее своих детей. Так как местное русское население было самым бедным, то школы для православных закрывались одна за другой [4, с. 239]. Или от педагогического персонала требовали польское подданство, — в то время как этого подданства не могли добиться лица, постоянно проживавшие в крае.

Как правило, учебный план русских школ перегружался обязательным изучением польского языка, польской литературы, истории, географии, причем все это преподавалось на польском языке. По ходу заметим, что в польские ВУЗы выпускники поступать не могли, а за границей эти знания оказывались не нужными. Такая ситуация с языком приводила к тому, что сдать экзамен на аттестат зрелости было практически невозможно. В 1923 г. в Ровно была открыта специальная комиссия для желающих получить аттестат зрелости. Сюда из Острога приехали сдавать экзамен 11 человек, окончивших мужскую гимназию, и 10 человек, окончивших женскую гимназию Блудова. Из числа экзаменовавшихся на аттестат зрелости испытания выдержали 2 абитуриента и 5 абитуриенток. Причиной таких неудовлетворительных результатов, главным образом по польскому языку, были не соответствующие возможностям изучения этого языка темы сочинений, которые были доступны лишь для выполнения их на родном языке [5, 1923, 27, 7].

Наконец, целый ряд школ получил право на существование, лишь обязавшись в определенный срок (обычно в два года), перейти целиком к преподаванию на польском языке. На истинный смысл этих мероприятий указывает характерный официальный термин, применяемый к большинству русских средних школ: частная русская гимназия в ликвидации (*prywatna gimnazjum rosyjska w likwidacji*), ибо в результате их русская школа неизбежно была осуждена на исчезновение и на замену ее школой польской. О темне разрушения русской школы даст представление следующая таблица [4, с. 240].

	1922	1923	1924
Средние школы	35	23	15
Начальные школы	17	7	6
Всего:	52	30	21
Детские приюты	3	6	10

Данные таблицы свидетельствуют о том, что количество средних и низших школ неуклонно сокращалось. Росло лишь число детских приютов, которые не являлись учебными заведениями в собственном смысле слова, остатки же средней русской школы в течение двух последних лет уменьшались еще на 57%, а низшей — на 65%. Степень разрушения старой школы русского населения маскируется в данной таблице еще включением в нее нескольких эмигрантских, весьма незначительных по своим размерам и неполных по количеству классов.

Что представляли собой подобные эмигрантские школы и как мало они были похожи на крупные школьные учреждения для детей русских беженцев в других славянских странах, показывает хотя бы пример содержания за счет Земгора средней школы для детей беженцев, интернированных в лагере Стржалково. В этой школе, громко именуемой реальным училищем, в составе 1-7 классов было в конце 1923 г. всего 23 ученика и 9 педагогов. Лишь в Варшаве субсидируемая Земгором начальная школа Русского Комитета, обслуживавшая беженцев, имела 118 учеников.

Естественно, ситуация в Польше вызывала протесты со стороны русских, находившихся здесь. Писатель Арцыбашев обратился с воззванием к польскому обществу. Он, в частности, отмечал, что «кресовая политика, закрытие русских церквей и школ, увольнение русских служащих, всевозможные стеснения для эмигрантов, отказ русским в квартирах, протесты против употребления русского языка, как все это противоречит польским демократическим традициям. Ибо русский народ всегда поддерживал поляков» [5, 1923, 30, 12]. В ответ на это обращение появилась статья польского журналиста Хласко, в которой он писал: «Живущие среди нас эмигранты, хотя и объявляют себя деятелями на пользу польско-русского сближения, не делают, однако, никаких успехов в разумении польской политики, ее стремлений и лозунгов. И часто, быть может невольно, предают нас своими действиями. Они довольно бесцеремонно и неловко вмешиваются в наши внутренние дела. Даже Арцыбашев, который едва лишь несколько месяцев гостит у нас, пишет о нашей кресовой политике и прочее. Не желая вступать на путь полемики,

я хочу лишь указать на то, что не такими путями следует идти к намеченной цели» [17, 1923, 3, 12].

Такая политика польских властей встречала резкую критику на страницах эмигрантской прессы. В частности, П. Н. Милуков на страницах «Последних новостей» писал: «Порабощенные сами превратились в поработителей. И несмотря на все усилия поляков скрыть от Европы истинное положение дела, вопрос о польских меньшинствах начинает и в европейском общественном мнении постепенно вытеснять старые симпатии к порабощенной Польше. Мы хотели бы только, чтобы польская национальная, школьная и вероисповедная политика на креслах была радикально изменена. Не только на бумаге — и чтобы раз и навсегда поляки отказались от колонизации, якобы неосознательных национальных граждан (русских, украинцев, белоруссов). В той степени, в какой эта политика будет проводиться, обеспечено будет польскому государству и симпатии **русской демократии**» [8, 1924, 30, 1].

В последующие годы тенденция к сокращению учебных заведений на русском языке сохранилась. В 1927 г. существовало 10 гимназий, 3 начальные школы (Варшава, Брест, Вильно), вечерние курсы действовали в Быдгощи, Острове Познанском, Львове, детские приюты в Вильно и Гродно [2, ф. 5814, оп. 2, д. 20, л. 139]. Общее число обучавшихся в гимназиях, по нашим подсчетам, составило: в 1924-1925 гг. — 2020 человек; в 1925-1926 гг. — 2004 человек; **из них 743** детей эмигрантов; в 1926-1927 гг. — 1780 человек, **из них детей эмигрантов 382** человека [2, ф. 5812, оп. 2, д. 20, л. 148, 293; оп. 1, д. 26, л. 92; д. 56, л. 7-16].

Все русские гимназии были частными, за исключением варшавской, и не получали от польского правительства никаких субсидий. Только в 1933 г. в результате долгой и упорной работы русской общности в Вильно гимназия им. А. С. Пушкина получила право правительственного учебного заведения [6, 1933, № 34, с. 7]. Поэтому главным источником их существования была плата за право учения. Ассигнуемые Земгором средства на пособия средним учебным заведениям в сумме 1600 французских франков (1922 г.) в месяц давали возможность оказывать помощь во внесении платы за учение не более чем 30 ученикам, то есть не более чем 3% обучавшихся в средней школе детей русских эмигрантов [2, ф. 5785, оп. 1, д. 12, л. 304].

Наряду со средствами Земгора делались попытки привлечь средства широких кругов русского населения. Главное внимание здесь уделялось благотворительности.

В особо тяжелой ситуации оказалась начальная школа в Варшаве, закончившая 1924/1925 уч. год с дефицитом 4000 злотых [5, 1924, 28, 11]. Наряду с частными пожертвованиями, помощь школе оказывалась со стороны русской православной церкви. С разрешения митрополита в православных церквях Варшавы 30 ноября 1924 г. был произведен тарелочный сбор для привлечения средств, идущих на содержание Варшавской школы. Аналогичное мероприятие было проведено в церквях Варшавы в июне 1926 г. Общая сумма собранных денег составила 246 злотых, 59 грошей и 1 доллар [5, 1926, 17, 7].

Для сбора средств проводились так же вечера, концерты, лотереи. Попытки улучшить материальное положение русской школы предпринимались и за границей. В мае 1930 г. редакция газеты «Руль» (Берлин) объявила о приеме пожертвований в пользу варшавской русской гимназии [12, 1928, 29, 8]. Пытаясь облегчить тяжелое финансовое положение русской школы, в Варшаве создали фонд русской школы. Он для привлечения средств проводил различные мероприятия, в том числе и большие книжные лотереи. Только за первую половину 1933 г. фонд выделил пособия 6 учебным заведениям на сумму 3425 злотых [7, 1933, 12, 8].

Непосредственное влияние на учебный процесс оказывали тяжелые бытовые условия, в которых жили учащиеся. В. В. Руднев в частности отмечает, что мясная пища была почти недоступна русским. Для многих детей белый хлеб и мясо — это роскошь, которую они не видят целыми месяцами. Обувь, теплая одежда у детей русских была крайне редко, большинство носило легкую и рваную одежду. Поздней осенью, в конце октября, в дождливую и холодную погоду, многие еще приходили в гимназии без пальто, за неимением такового [10, с. 7].

Аналогичная ситуация существовала и в артелях, которые трудились в Беловежской Пуще. Большинство детей терпели здесь крайнюю нужду: не было белья, теплой одежды, обуви. Очень частным являлось недостаточное питание детей [14, 1926, № 9, с. 17]. Врачебные измерения установили, что чрезвычайно высокий процент детей не имел нормального объема груди (например в варшавской гимназии до 78% детей). Многие дети помогали родителям — работали с 5 часов утра. Младшие разносили газеты, старшие работали приказчиками. Уроки готовились в свободное время у прилавка. Так как это запрещалось, то урок выписывался на длинную полоску бумаги, которая прикалывалась к внутренней стороне борта пиджака; отворачивая украдкой борт, читали [10, с. 8, 9, 14].

Существование русской школы самым непосредственным образом было связано с обеспечением ее педагогическими кадрами. Как уже отмечалось выше, до 1918 г. на территории Польши, входившей в состав Российской империи, находилась не одна сотня разного типа низших и средних русских школ и несколько высших, в которых преподавало несколько тысяч русских учителей. Во время войны часть их, сравнительно небольшая, главным образом высших и средних школ, была эвакуирована вглубь России. Большинство же школ и учителей осталось на местах. Поэтому, говоря о русском учительстве в Польше, приходится иметь в виду не все его, а только ту часть довоенного русского учительства, которая работала в русских школах (школах с русским языком обучения). Поскольку точные данные о количестве учителей отсутствовали, то Д. М. Соколов, например, считал, что их было не менее одной тысячи человек. В подавляющей своей части они оказались в положении безработных ввиду быстрой, принудительной ликвидации русской школы [13, с. 144].

Пытаясь найти выход из создавшейся ситуации, предпринимались попытки объединения педагогов. 27 августа 1923 г. на собраниях русских учителей возник Союз русских учителей в Варшаве [5, 1923, 7, 9]. Однако реальные результаты деятельности этой организации оказались очень скромными и свелись, главным образом, к проведению общих собраний.

Во Львове дважды предпринималась попытка создать общество «Русская школа», но она не увенчалась успехом. Ибо в административном учреждении, ведавшем регистрацией устава, «русского языка» не знали [6, ф. 5764, оп. 1, д. 149, л. 209].

Весной 1925 г. в Варшаве был организован «Первый съезд русских деятелей по народному образованию в Польше». На этот съезд прибыло в числе других участников и 35 русских учителей, официально представивших более чем 350 русских учителей в Польше, как работавших по специальности, так и безработных [5, 1925, 24, 3].

Проведенное накануне съезда анкетирование, несмотря на его ограниченный характер, все же дает возможность нарисовать объективную картину положения русских педагогов в Польше. Из 143 анкет 105 было заполнено учителями и учительницами, состоящими на педагогической службе, и 38 — безработными [16, с. 147]. Анализ анкет свидетельствует, что основная масса учительства (77%) зарабатывала от 100 до 300 злотых в месяц. Средний заработок составлял 179 злотых. Поэтому сравнивая свой заработок с показанным в анкете прожиточным минимумом, большинство отвечало «не хватает» или

«проживаем все, что получаем» [16, с. 148]. В среднем час оплачивался от 5 до 8 злотых, в зависимости от местности. При этом никаких надбавок на семью, за высшее образование, стаж работы учитель не получал. Все анкетированные имели высшее образование и стаж работы 57% из них составлял от 5 до 25 лет [16, с. 151].

Кроме того, чтобы заниматься педагогической деятельностью, необходимо было иметь польское гражданство («обывательство»).

Следовательно, после образования польского государства в 1918 г., польские власти взяли курс на колонизацию восточных территорий, вошедших в ее состав после подписания Рижского мира. В наиболее трагическом положении оказалась русская школа. Низшая школа вообще была ликвидирована, а средние учебные заведения попали в разряд частных школ, ежегодно добивавшихся концессий на право существования. Школы эти могли работать только за счет платы за обучение. Однако основная масса детей не могла вносить и этих денег. Незначительные суммы на школу, главным образом плата за обучение, вносились Земгором. Основная масса педагогов попала в категорию безработных. Те же, кто работал в русских школах, получали заработную плату в 3 раза меньше польских педагогов и владели жалким существованием.

Литература

1. Варшавское слово.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).
3. Дни.
4. Зарубежная русская школа. 1920-1924. — Париж, 1924.
5. За свободу.
6. Иллюстрированная Россия.
7. Молва.
8. Последние новости.
9. Руднев В. В. Финансовое положение и перспективы беженской школы. — Прага, 1925.
10. Руднев В. В. Условия жизни детей эмиграции. — Прага, 1928.
11. Руднев В. В. Судьбы эмигрантской школы. — Прага, 1929.
12. Руль.
13. Русская школа за рубежом. — Прага, 1923. — Кн. 1-3.
14. Русское слово.
15. Сокольников Д. М. Положение русской школы в Польше. Современные записки. — Париж, 1924. — Т. 18. — С. 419-428.
16. Сокольников Д. М. Польша // Русский учитель в эмиграции. — Прага, 1926. — С. 143-158.
17. Gazeta Warszawska.